

СОГЛАСИЕ И МИФ

Гольченко В.Н. (г. Запорожье)

Аннотация

В статье дается анализ бытийных оснований согласия как проблемы, имеющей исключительную актуальность в теоретико-познавательном и практически-политическом аспектах.

Ключевые слова

СОГЛАСИЕ, ПОНИМАНИЕ, МИФ, МИФОЛОГИЯ, МИРОВОЗЗРЕНИЕ, ЦЕЛОСТНОСТЬ, ЕДИНСТВО

Введение

Рассматриваемая в данном случае проблема приобретает особый смысл и значимость (и теоретическую и практическую) в периоды системных общественных преобразований, переживаемых Украиной. Следует отметить, что исследования мифа и мифологии имеют глубокую традицию и большие результаты. Для иллюстрации последнего достаточно взглянуть на источники, упоминаемые в этой статье.

Главную цель последующего изложения мы усматриваем в выяснении онтологических оснований согласия. Как только речь заходит о мифе, то здесь веет чем-то архаическим, настолько древним, что оно заслуживает внимания разве что с точки зрения уважения к истории. Кроме того, чаще всего все связанное с мифом и мифологией воспринимается как имеющее отношение к неразвитым формам сознания, относящихся к ранним этапам становления человечества. Поэтому в лучшем случае миф и мифология воспринимаются как исторически необходимая и столь же преходящая ступень в развитии человека и человечества.

Цель статьи:

- проанализировать взаимосвязь согласия и мифа;
- выявить сущность мифа как социального феномена;
- обосновать границы мифа и мифологии;
- раскрыть сущность мифологии как первой метафизики.

Обсуждение проблемы

С этих позиции вполне логично отношение к мифу в современном мире как к рецидиву далекого прошлого. Думаем, однако, что такое отношение при всей его логической безупречности, не может быть принято как безусловное и безоговорочное. В качестве аргумента в свою пользу попытаемся проанализировать такой вопрос: считать ли окончательно завершенным (оставшимся в истории) процесс становления человека и человечества? Если даже это так (а это далеко не так!), то следует ли считать, что каждому человеку в его собственной биографии нет необходимости и нужды проходить путь собственного становления и самоосуществления? Уже из такого рода вопросов можно

делать вывод, что миф есть такая форма и способ сознания, в котором столько же прошлого, сколько настоящего и актуального.

«Земными» корнями согласия, в конечном счете, выступает целостность и единство всего сущего, неотъемлемой частью которого есть и человек и человечество. Даже с учетом того, что с появлением человека происходит удвоение, и, даже, утроение мира, факт сущности всего «в мире» остается непреложным.

В своем развитии, начиная с первых шагов, человек безусловно «отрывается» от природы, от естественных условий и факторов собственного существования. Однако это отрыв очень специфического свойства - в точке наивысшего отрыва обнаруживается, что вся эта независимость человека от естества, его могущество над силами и стихиями природы есть ни что иное, как «вывернутая наизнанку» естественность и природность. Конечно, употребление в данном случае терминов «естественность» и «природа» несколько сужает предмет разговора, поскольку подразумевается в данном контексте бытие как таковое. И даже если речь заходит о не-бытии, то последнее не есть (не может быть) тем чего нет. Оно - утвердительно отрицание бытия: не-бытие «подтверждает» наличность бытия. В единстве бытия и не-бытия присутствует момент их созвучности, то есть согласия.

Противоречивость ситуации, в которой оказывается человек с момента своего появления, заключается в том, что для сознания и понимания себя как неотъемлемой «частицы» всего сущего, он должен максимально «как бы» отойти от него, посмотреть на него (и на себя) «со стороны». Однако, это такой отход, который «знает» себя в таком качестве. Это «отрыв», но с постоянным удержанием связи. В этом случае и есть основание говорить, что своеобразной соединительной нитью в духовном мире человека, обеспечивающей такое удержание, выступает миф и мифология. Если принять такое утверждение в качестве истинного, то из него вытекает ряд важных следствий. Однако, прежде всего, следует отметить значительный «разброс» мнений в оценках мифа и мифологии - от пренебрежительных до возвеличивающих.

Очень часто миф рассматривается как форма неразвитого и примитивного сознания. Однако такое обвинение можно повернуть и таким образом, что именно эти характеристики становятся его достоинством. Неразвитость мифологического сознания придают ему неповторимость и особую привлекательность, так как примитивность и неразвитость с лихвой компенсируются присущей мифу внутренней целостностью. Наряду с этим следует отметить, что отнюдь не заслугой, а истинной бедой цивилизации и прогресса есть то, что они выступают разрушителями мифа как образа мышления и формы мировоззрения. Прогресс, органично включающий в себя разрушение чего бы то ни было, приобретает очень зловещий оттенок и рано или поздно приходит к отрицанию самого себя, становясь чистой водой регрессом. Во

многим именно здесь обнаруживаются существеннейшие причины и объяснения ситуации современного человечества.

Прямо противоположный подход обнаруживается в исследованиях иного толка, в частности у А.Ф. Лосева, который, можно сказать, воспел миф, поднял его понимание на высоту, которой он действительно заслуживает. Обращая на себя, прежде всего внимание подход к мифу как к непосредственному видению, как в разновидности прозрения. В этом смысле миф «вырывает вещи из их обычного течения, когда они, то несоединимы, то непонятны, то не изучены в смысле их возможного дальнейшего существования, и погружает их не лишая реальности и вещественности в новую сферу, где выявляется вдруг их интимная связь, делается понятным место каждой из них и становится ясной их дальнейшая судьба» [3, 71]. Следовательно, миф суть непосредственность, равная не лишенной реального смысла сказочной реальности. Иначе, миф следует расценивать и рассматривать как воплощенную детскость человека и человечества. По мысли А.Ф. Лосева, миф есть не что иное, как живой представитель родовой общины, взятый в своем пределе. Он «одинаково и материален и идеален. Потому-то в последующие времена он будет казаться фантастикой и чудом. Ведь все идеальное дано в нем вещественно, субстанционально, целиком материально и целиком зримо физическим зрением» [3, 196]. По большому счету миф есть немислимое с точки зрения здравого рассудка соединение материального и идеального. Идеальное в нем представлено так, как оно не может быть представлено никогда.

Лосевская концепция мифа показывает, что мифологическое сознание имманентно присуще человеческому духу. Он (миф) не может быть отнесен к области рассудочного и даже к разуму непосредственно, но является органическим элементом духовности. Это та ее «часть» которая позволяет непосредственно охватить (постичь) мир как нечто живое и целостное, как нечто одухотворенное, т.е. как некую личность. Попытка устранить из области духа мифологичность, преодолеть ее, означает превращение человека в нечто ущербное, усеченное.

«Ближе» всего к мифу стоит ребенок. Он по существу своему воплощенный мифотворец. Для него такой способ освоения мира вполне органичен. Ясно поэтому, почему люди с известным трепетом относятся к детству: как к детству человечества (его первым «шагам») и детству каждого отдельного человека. Общим знаменателем такого особого отношения есть известная идеализация далекого прошлого («золотой век») и первых дней и лет жизни каждого человека. При этом меньше всего мы подразумеваем «голую» сентиментальность. Почему ребенок вызывает умиление и восхищение? Это не слабость человеческая и не странность, а нечто более существенное. Новорожденный выступает как воплощенное чудо, как совершеннейшее

творение природы. При этом особый смысл приобретает понимание слабости такого потенциального человека, его хрупкости перед лицом сложного и противоречивого мира. Поэтому удивление и восхищение вызывает то обстоятельство, что ребенок представляет собой грандиозный план-замысел, как «открытость» миру для всевозможного проявления: как чрезвычайно хрупкое создание он может проявиться «никак» и, одновременно, как «чудо» способен стать всем возможным. Иными словами, ребенок есть пролог бесконечного будущего, его потенция. Еще иначе: он есть неразвернутая целостность. Именно поэтому человек для сохранения себя как человека должен «вернуть» себе целостность. Люди должны стать «как дети», не переставая при этом быть взрослыми.

Сказанное не означает, что мы признаем миф и все с ним связанное безоговорочно и безусловно. Слишком это сложный феномен, чтобы высказаться о нем строго однозначно. Вероятно, не лишены оснований известная подозрительность и недоверие по отношению к мифу. Ведь, кроме всего, прочего, с мифом связывается стремление сооружать ложные конструкции. Строго говоря, миф, как любая иная сфера сознания, выступает как двойственное явление. В этом отношении мы разделяем мнение о том, что социальная мифология, в частности «выполняет в обществе как позитивную, так и негативную функции. Позитивная функция прослеживается в консолидации общества, а негативная - в возможности использовать социальную мифологию в интересах социальной элиты, манипулировать общественной мыслью, создавать образ врага из сторонников социально-мифологических концепций [4, 29].

Указанная двойственность не может рассматриваться как недостаток в распространенном смысле слова. Речь идет об олицетворении противоречивой сути человеческого сознания, которое не только «отражает» или только «творит» мир, но и осуществляет и то и другое одновременно. Естественно, возникает вопрос о границах мифа и мифологии, их пределах. Было бы наивным считать, что ограниченность мифа определяется тем, что это есть неразвитое, незрелое сознание, демонстрирующее свою ложность с появлением иных, более «высоких» (или поздних) форм сознания. Именно такого рода подход наносит духовный ущерб - нет не мифу, а самому человеку, стоящему на таких позициях. Справедливо считать, что миф не преодолевается, а дополняется («надстраивается») иными формами сознания по более существенным причинам. Исходя из сказанного, следует дополнить наше допущение о том, что в мифе, в мифологической форме мировосприятия обнаруживаются онтологические основания согласия, тезисом о том, что в такой же мере они содержат в себе и «способность» разлада и разногласия.

Действительно, миф и мифология представляют собой непосредственную реакцию потенциально разумного человека на его

отделение и противопоставление себя естественным условиям существования, к которым следует относить и другого человека (людей). Осуществляется, таким образом, своеобразная защитная и оборонительная реакция общественного человека на такое неизбежное разделение: природа очеловечивается, а человек натурализуется. Персонифицируя природу и натурализуя общество, мифология соединяет противоположности, высвечивая и освещая истину бытия, как она есть сама по себе. Противоположности человека и природы воспринимают друг друга как иное себя, а не иное само по себе, а тем более худшее. Они не ведут борьбу друг против друга на уничтожение, а учатся у себя посредством своего овнешнения. Поэтому мифология выступает формой перспективного (сквозного) мироощущения, формой непосредственно-органической перспективы сознания, когда человек «овнешнивает» собственные внутренние душевные и духовные переживания путем их предметно-наглядного воплощения в жизнь небожителей [2, 23].

Мифические персонажи есть не что иное, как реальность для человека его собственного ощущения в мире. Поэтому попытки «защитить» человека от мифа есть не что иное, как обеднение человека, лишние его части безусловной «собственности». Более того, стремление «ругать» миф и мифологию означает по сути дела то же самое, что ругать ребенка за то, что он ребенок, обвинять его за детство. Это, конечно, не значит, что человек должен навсегда оставаться ребенком. Единственно безусловным в данном случае есть стремление не допустить такого отношения к «детскости», при которой она воспринимается как нечто подчиненное взрослости, как лишь неизбежная подготовка к ней. Сказанное требует внимательного рассмотрения феномена игры. Нам представляется, что «игра» есть «взрослый» термин для обозначения целостной жизнедеятельности человека-ребенка. Для него самого игра вовсе не игра, а сама жизнь, не хуже и не лучше, чем жизнь «взрослая». Игра, как и детство - это не то, что «было» в жизни каждого человека и поколения, человечества когда-то. Оно есть здесь и теперь, хотя и в формах несколько отличных от «тогда» и «там».

Рассуждая об отношениях взрослых к детям, Махатма Ганди с горечью констатировал: «...как жестко мы порой давим на сознание ребенка своей взрослостью и лжеопытностью. Как легко произносятся нами слова «нельзя» и «накажу»». Ганди предлагает: «давайте не брать верх над ними (детьми - В. Г.) благодаря прожитым годам. Давайте вернемся в детство, станем рядом с ними и пойдем по жизни рука об руку, взрослея второй раз вместе с нашими сыновьями и дочерьми. Давайте именно взрослеть, а не стареть, ибо возраст, хоть и играет роль вычитаемого в том самом примере, где уменьшаемое - количество лет, которые отвела нам судьба. Возраст человека взрослеющего ведет к

количественному росту уменьшаемого, а значит, эти две величины не могут сравниваться, и смерть свою (разность), мы отодвигаем решительным доводом: «Я одного возраста с моим сыном!» [1,56]. Весь дух этого рассуждения выдающегося гуманиста дает возможность несколько по-новому взглянуть на известное утверждение о том, человек продолжает жить в своих детях, что человек обеспечивает свою вечность через связь и преемственность поколений. Все это не вызывает возражений, однако этого не достаточно. Элемент (или момент) вечности по своей сути не может и не должен быть «вынесен» за границы жизни конкретного живого человека, поскольку в таком случае любые рассуждения о вечности теряют для него всякий смысл и привлекательность. Ребенок демонстрирует взрослому его вечность именно в этой жизни, «теперь и здесь». Поэтому и отношения он заслуживает соответствующего. Именно поэтому ребенок не просто «еще не человек», а больше, чем человек - он есть все, что может быть!

Величие мифа состоит в том, что на этом уровне сознания и духа не видна, не обнаруживается границы между возможным и невозможным. Правда, в этом можно обнаружить ограниченность мифа. Однако - это не величие ограниченности, а ограниченность величия. И. Хейзинга отмечал, что «граница между тем, что мыслится как возможное, с одной стороны, и невозможное - с другой, человеческий дух проводит не сразу, лишь по мере развития культуры. Для первобытного человека с его ограниченными логическими представлениями о миропорядке, собственно говоря, еще все возможно» [5, 78]. Для «дикаря» и для ребенка все возможно именно в силу того, что ни тот, ни другой не сознает и не понимает границы между возможным и невозможным. Но становится ли что-либо понятнее, когда формируется понятие и понимание такой границы? Не есть ли все более глубокое понимание - вникание в суть такой границы сужением, тем самым, сферы возможного? Венцом понимания в этом случае есть осознание своей ничтожности в вечном мире. Однако трагизм ситуации порождает и некоторый сверхчеловеческий оптимизм. Правда, последнее невозможно, если у взрослого человека не остается ничего от ребенка.

Через миф человек выходит «сверх» самого себя, а мифология тем самым ориентирует на преодоление фундаментальных антиномий человеческого существования. В мифе человек предчувствует (и последует) неразрывность и целостность всего сущего, свою неотрывность от него с позиций фактической оторванности. Такого рода неотрывность от всего, что в мире по существу есть подобным мне самому, выступает «естественной» основой согласия человека с человеком, с природой, с миром.

Противоречивость и ограниченность мифа не мешает ему быть такой формой духовного освоения мира, в которой человек обнаруживает, начиная с интуитивных ощущений, онтологическое

единство со всем сущим, потенциально-объективную целостность с ним. Через миф человек как бы «растворяет» себя в мире, т.е. через мифологическое сознание человек обнаруживает в мире самого себя, но через иное, через других. Однако, это лишь одна сторона дела. С логической необходимостью напрашивается продолжение: человек должен выйти в мир во «всеоружии», т.е. таким способом, чтобы своеобразно «растворить» мир в себе, «переварить» его. Для самореализации и самоосуществления человеку необходимо осуществлять такие «движения» в течение всей жизни, хотя для многих людей даже один подобный цикл может представлять собой задачу, которую они не успевают решить.

Сказанного достаточно для того, чтобы признать необходимость не останавливаться только на уровне мифологического сознания. Для более полного своего выявления человек и человечество «изобретают» иные формы и уровни сознания, которые действительно «надстраиваются», но при этом не отбрасывают ее, не отрицают, поскольку последнее означало бы разрушение основы - фундамента всего здания духовности, и привело бы к его крушению. Парадоксальным выступает тот факт, что при всей очевидности и кажущейся простоте последнего утверждения, мы с удивлением обнаруживаем стремление людей именно к такому исходу дела, когда возрастание рациональности и рассудочности, воспринимаемых совсем необоснованно, как рост разумного начала, приводит к разрушению духа духовности как целостности, со всеми вытекающими последствиями.

Сохранение духовности в ее целостности предполагает, что ее носитель - человек - отдает себе полный отчет в том, что именно дух сделал его «господином» и «повелителем», но, что он не в состоянии подчинить себе дух, повелевает им. Дух подчинен только духу, т.е. самому себе, а потому не подчинен никому и ничему. Он постоянно вырывается из любых рамок и ограничений, он неуловим, хотя это совсем не означает, будто нет никакой возможности обнаружить «следы» его пребывания «теперь и здесь». Исходя из этого, следует признать, что мифология есть «детскость» духа, без которой (при уничтожении которой) он лишается своего «начала». Уяснить такое положение дел способна лишь та форма (и уровень) сознания, которая выступает высшей по сравнению с мифом, и с религией, и с наукой, а именно философия. Только ей принадлежит способность не только взглянуть «свысока» на все предшествующие формы и способы сознания, но, что более существенно, смотреть на мир (на все сущее) вместе с ними.

Таким образом, философом (не специалистом в области философии с соответствующим дипломом!) можно назвать лишь того, кто сумел на фоне высочайшей разумности и строжайшей рассудочности сохранить в себе, в своей душе, ребенка: остался

способным видеть мир глазами ребенка, т.е. не только, как он есть в «действительности», но и как он есть изнутри себя, через самого себя, как он возможен и невозможен. Как видим, сказанное означает не что иное, как утверждение мифологичности в качестве внутреннего «элемента» философичного духа.

Обратим внимание на глубокий смысл расхожего выражения по поводу того, что «хватило (чаще, не хватило) духа что-то сделать (не сделать) или каким-либо образом поступить». Ведь, в данном случае речь идет о той ситуации, когда вроде бы все необходимое для действия или поступка налицо, но все-таки «чего-то» не хватает, а потому нет ни действия, ни поступка. Вся суть как раз в этом небольшом «остатке». Может быть причина такой ситуации состоит в сверх рассудочности, сверх-рациональности? Как ни парадоксально звучит, но по отношению к современному человеку и человечеству следует сказать, что им не хватает духа признать (согласиться) с тем, что именно человеческое в человеке делает его столь бесчеловечным или, иными словами сверх- и над человеческим.

Логика человеческого развития свидетельствует об ослаблении и даже устранении в нем биологического, даже животного. Но чем дальше идет этот процесс, тем безжалостнее человек к самому себе и себе подобному, все меньше осознает и воспринимает другого как себе подобного. Другой выступает только как «не Я», а потому и отношение к нему формируется как к «не себе». Биологический инстинкт «своего», «близкого» утрачивается (утрачен - ?!), а собственно человеческий эквивалент ему не выработан. «Изобретения» типа принадлежности к расе, нации, народу, классу, группе и т.п. сказываются лишенными природного основания. Выход видится лишь в таком развитии, которое есть движение якобы «назад», идя при этом «вперед». Конечно, вряд ли можно представить, что современный человек (и человечество) способен добровольно отказаться от всех достижений цивилизации, даже с учетом всех ее негативных последствий и угрозы самоуничтожения - физического и духовного. Исходя из такой ситуации, когда жизненно необходимо сделать то, что невозможно, указанное «возвратно-поступательное» движение-развитие реально возможно, так сказать, «в уме». Необходимо, иными словами, постоянно удерживать понимание того, в какую сторону идет развитие, какой ценой оно осуществляется и чем может завершиться. Для этого следует постоянно «напоминать» себе об исходном пункте и постоянном присутствии этого начала (точнее, необходимости его присутствия) в каждый момент настоящего движения.

В качестве такого постоянного напоминания для современного человека выступают миф и мифология. Для того, чтобы, взрослея, все-таки не состариться «до смерти», человек должен удерживать в себе ребенка. Мифом человек потенциально способен придать человечеству «природный» смысл и недопустить его перерождения в бесконечное. В

этом смысле мифология видится нами как «первая» метафизика. Сущность же последней состоит в том, что она выступает как размышляющее рассуждение о таких «вещах», которым не может быть никакого опытного («физического») подтверждения или опровержения. Через миф, с помощью мифологии человек впервые сталкивается со своей способностью формулировать и ставить перед самим собой такие вопросы, на которые невозможно найти ответы. Уже здесь такие вопросы демонстрируют свой вечный характер. Человек начинает осознавать, что такие вопросы неразрешимы. Рано или поздно приходится делать вывод о том, что в данном случае значение и смысл приобретает сама способность формулировать такие вопросы, а не поиск несуществующих «окончательных» ответов на них. Налицо полнейшая бесполезность подобного занятия с точки зрения утилитарно-прагматического сознания. Однако, по человеческим меркам это есть высшая полезность.

Выводы

Говоря о мифологии как «первой» метафизике, мы обязаны отметить, что она не единственная и не «последняя». Сама парадоксальность человеческого существования толкает его на выработку иных «метафизик». Однако, невзирая на их большую развитость, каждая из них сталкивается с невозможностью преодолеть обнаруженный в мифе метафизический парадокс. Поэтому и с этой точки зрения миф не может быть устранен из области духа, а может быть лишь дополнен и «достроен». Повторим, что без его сохранения и удержания человеческое с неизменностью утрачивает возможности своего естественно-природного обоснования и становится бесчеловечным.

Не учитывая органической мифологичности человеческой духовности, а тем более отрицая ее, мы обязательно сталкиваемся с тем, что все рассуждения о необходимости согласия и понимания остаются лишь рассуждениями-пожеланиями, которые, даже сопровождаясь самыми благими побуждениями, лишены жизненного основания и «естественности». Они идут не от человека, а в лучшем случае преподносятся как призыв, декларация, лозунг извне.

Может быть, именно поэтому (если обратиться к практике общественно-политической жизни современной Украины) все попытки и призывы к обеспечению социального мира и согласия оказываются неэффективными. Они - эти попытки - идут «сверху», по существу навязываются, а не зарождаются «снизу». Более того, чем настойчивее становятся призывы к миру, согласию, пониманию, тем вероятнее формирование отчуждения и неприятия, тем большим может быть обратный эффект. Только тогда теоретические разработки о необходимости и жизненности согласия в обществе и основанные на них политические «практики» приобретут жизненность, когда они вырастут

на «естественной» (народной) почве, когда встретятся и сольются в один большой поток два течения - «снизу» и «сверху».

Перспективы дальнейших научных исследований

✓ поиски путей согласия в обществе.

Источники

1. Ганди Махатма. - М.: Издательский дом Шалвы Амонашвили, 1998. (Антология гуманной педагогики).
2. Жадько В.Н. Світоглядні основи морально-етичної свідомості. - Запоріжжя, 1997.
3. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. -М.: Политиздат, 1991.
4. Міщенко М.Д. Ідеологія, соціальна міфологія та трансформаційні процеси в українському суспільстві. -К.: Н1СД, 1998.
5. Самосознание европейской культуры XX века: мыслители и писатели Запада о месте и роли культуры в современном обществе. - М.: Политиздат, 1991.

Стаття надійшла 15.06.06 р.